Дмитровский Андрей Леонидович

Кандидат филологических наук, доцент

Кафедра журналистики и связей с общественностью,
Орловский государственный университет имени
И.С. Тургенева, 302001, Российская Федерация, Орёл,
корпус №3, (ул. Комсомольская, д. 41) ПОЛЬСКИЙ,
e-mail: dmitrovskiyal@yandex.ru

Andrei L. Dmitrovsky

PhD in Philology, Associate Professor

Department of Journalism and Public Relations, Orel
State University named after I.S. Turgenev, Building 3, 41
Komsomolskaya Str., 302001, Orel, Russian Federation,
e-mail: dmitrovskiyal@yandex.ru

ТЕОРИИ ЖУРНАЛИСТИКИ: ПОЧЕМУ ОНИ «НЕ РАБОТАЮТ»? (Проблема синергетического подхода к журналистским явлениям)

Аннотация. Дискуссия, начатая журналом «Вопросы теории и практики журналистики», с целью ревизии имеющихся подходов к теории журналистики, возникла не случайно. По мнению некоторых философов, на наших глазах происходит демонтаж капиталистической системы: мир необратимо меняется. Этот факт касается всех сфер жизни. Очевидно, формируется новая — третья (помимо психической и культурной) виртуальная реальность: гиперреальность. Наступает эпоха Цифры, время искусственных сущностей — симулякров.

И именно на этом эпохальном сломе проявилась сущность журналистики: оказалось, что общество только и способно существовать, благодаря некой центростремительной силе, интегрирующей самые разные центробежные элементы и устремления в единый разумный человеческий организм. Не политика, не экономика, не культура, а именно журналистика, через организацию потока образов позволяет нормально функционировать всем тем социальным институтам, что привычно воспринимаются нами как «управляющие» социумом. Отношение же к самой журналистике отражает такой факт: в ней до сих пор не выработано общепризнанных критериев мастерства. И если для функционирования журналистики эпохи Гутенберга было достаточно её поверхностного понимания, то сегодня очевидна растерянность теоретиков перед нахлынувшей реальностью: СМИ, журналистика, медиа и медийность, коммуникации, IT-технологии, виртуальность.

В предлагаемой статье обосновывается мысль о том, что проблема создания теории журналистики кроется не в тех или иных научных подходах (или конкретных научных дисциплин), а в отсутствии конгруэнтного (аутентичного) современным реалиям понимания феномена журнали-

стики: подавляющее большинство исследователей (по крайней мере в России) до сих пор трактуют её как некую узкую сферу «практической деятельности», фактически не учитывая истинный масштаб и значимость «феномена медиа» в функционировании современного информационного общества. Для решения данной задачи необходимо создание общей (мета-) теории журналистики, носящей характер междисциплинарного обобщения.

Ключевые слова. Общая теория журналистики, метатеория журналистики, синергетика, экзистенциальная теория журналистики (ЭТЖ), новые медиа, медийность, методология медиаисследований, эссеизм.

Информация о статье. Дата поступления 7 декабря 2018 г.; дата принятия к печати 24 декабря 2018 г.; дата онлайн-размещения 31 января 2019 г.

JOURNALISM THEORIES: WHY THEY DO NOT WORK? (The Problem of a Synergistic Approach to Journalistic Phenomena)

Abstract. The discussion started by the journal *Theoretical and Practical Issues of Journalism* to revise the existing approaches to the theory of journalism, did not arise by chance. According to some philosophers, we are witnessing the dismantling of the capitalist system: the world is irreversibly changing. This fact applies to all spheres of life. Obviously, a new — third (in addition to mental and cultural), virtual reality is being formed (hyperreality). The era of the Digital is coming, the time of artificial entities — simulacra.

And it is precisely at this epoch break that the essence of journalism manifested itself. Why was society able to exist? Solely thanks to a certain centripetal force integrating the most diverse centrifugal elements and aspirations into a single rational human system. Not politics, not economics, not culture, but journalism, through the organization of the flow of images, allows all those social institutions to function normally, which we habitually perceive as managers of society. The attitude towards journalism itself reflects this fact: it has not yet developed generally accepted criteria for excellence. And if for the functioning of the journalism of the Gutenberg era, its superficial understanding was sufficient, then today the theorists are confused before the surging reality: media, journalism, media and mediality, communications, IT technologies, virtuality.

The author substantiates the idea that the problem of creating the theory of journalism lies not in certain scientific approaches (or specific scientific disciplines), but in the absence of understanding of the phenomenon of journalism that would be congruent (authentic) with modern realities. Today the vast majority of researchers (at least in Russia) is interpreting journalism as a kind of narrow field of practice, without actually taking into account the true scale and importance of the "media phenomenon" in the functioning of the modern information society. To solve this problem it is necessary to create a General (meta-) theory of journalism, which has the character of interdisciplinary generalization.

Keywords. General theory of journalism, metatheory of journalism, synergistics, Existential theory of journalism, new media, media, methodology of media research, essayism.

Article info. Received December 7, 2018; accepted December 24, 2018; available online January 31, 2019.

Введение

Расцвет науки о журналистике пришёлся на послевоенный период. Развивается университетская подготовка специалистов, начинают работать научные конференции, разрабатываются основные дисциплины, категории и понятия теории. Конечно, споры вокруг журналистики велись и раньше (например, о природе очерка; функциях печати), но именно на 50—60-е годы XX века приходится осознание журналистики (публицистики) как предмета научного изучения (вплоть до объявления самой журналистики наукой с правом присуждать соответствующие степени, что, впрочем, было быстро отвергнуто), осмысляются её социальное значение, история, сущность. В Ленинграде, Москве, Алма-Ате на базе университетских факультетов журналистики формируются школы журналистики (позже к ним добавятся Воронеж, Свердловск, Ростов-на-Дону, Казань...).

70–80-е годы XX века внесли свои, особые, коррективы: «Под давлением сложившейся социально-политической атмосферы, господства партийной бюрократии создавалась раздутая историко-журналистская лениниана, гипертрофированная «теория» о всеобъемлющем, научном партийном руководстве, об информационном процессе, представленном как сугубо публицистический. До сих пор некоторые теоретики относят информацию к публицистике, внося путаницу в учебный процесс. <...> Наконец, такого рода теоретические взгляды негативно сказывались на отношении практиков к теории, видевших в ней что-то совсем ненужное для них. И сколько бы теоретики не доказывали обрат-

ное, здоровый скепсис брал своё. В студенческой массе он также имел место, что ощущается, несмотря на произошедшие изменения, и в современных условиях» [1, с. 25]. Теория журналистики в собственно научно-творческом плане как бы застыла, получив возможность «развития» лишь в плане разработки идеологических проблем.

Волна либеральных реформ 80–90-х годов XX века привела к катастрофическим последствиям: распаду государства, обрушению экономики и уровня жизни, сокращению продолжительности жизни людей, как и самого населения и т. д. Не осталась в стороне журналистика. Получила сокрушительный удар и советская теория журналистики. Были разрушены научные коммуникации, тонко отрегулированные и настроенные на поддержание кумулятивно-эволюционного процесса накопления знаний о журналистике. Сложилась так называемая ситуация «рассредоточенной очаговости», когда исследования носят частный, узконаправленный характер и не становятся достоянием всей научной общественности. Более того, методологи отмечают всё большее возрастание методологической путаницы в теории СМИ (СМК), порождаемой отсутствием неких общих (хотя бы приблизительно) ориентиров в понимании сути журналистики.

В подобной ситуации теория журналистики стала перед проблемой собственного существования: перед выбором научной парадигмы, в рамках которой она могла бы состояться — имеющихся естественно-научной (классический детерминизм, «модерн», представленный ныне постпозитивизмом и синерге-

тикой) и гуманитарной (постмодернистской). Однако почти пятидесятилетний опыт создания советской науки о журналистике показывает, что создаваемая в рамках позитивистской парадигмы (социологическая школа журфака МГУ) теория не смогла стать адекватной нынешним условиям и требованиям профессиональной среды. Она даёт лишь один срез феномена журналистики (экономическая целесообразность в её грубой, «вульгарной» форме), но не может стать основанием общей теории. Остальной контент, не вошедший в круг интересов данного исследовательского направления, либо подвергается глубокой мифологизации (как идеалы советской «тоталитарной» журналистики), либо просто игнорируется (см. подробнее ниже, в разделе «О чём спор?»).

Проблема осложняется тем, что и последние десятилетия, когда Россию захлестнула волна постмодернистских учений и программ (и есть все, казалось бы, возможности создать на их основе новейшую достойную теорию), показали тщетность усилий теоретиков данного направления. Появилось лишь несколько монографий (пусть даже и с грифом «учебник»), написанных в стиле пастиша, весьма интересных для чтения, но малопригодных для практики.

Логично возникает вопрос «почему?». Почему в рамках ни той, ни другой парадигмы исследователи не способны создать полноценную теорию журналистики? Почему, придерживаясь одной из них, учёные не желают (не могут?) включить в орбиту своей интерпретации журналистики проблемы и/или наработки другого научного подхода? Как справедливо

написал об этой ситуации патриарх московских теоретиков журналистики Е.П. Прохоров: «...Нельзя не огорчаться тому, что «методологическая критика» в науке о журналистике в явном виде практически не существует, проявляясь лишь попутно, особенно при полемических схватках. А могла бы сыграть очень важную роль в становлении современной методологии изучения журналистики. <...> Всё это приводит к мысли и о неразвитости, даже слабости научной критики, о невнимании одних исследователей к подходам и аргументам других при продолжающихся творческих поисках и т. д.» [2, с. 40].

В частности, характеризуя одну из непосредственных областей изучения журналистики — публицистику (проблема её познания была поставлена ещё в 60-х годах XX века!), маститый учёный с огорчением замечает: «Любопытно напомнить, что исследователи публицистики (а выпущено ими в итоге десятков книг) практически не дискутировали друг с другом, а выдвигали свои концепции на основе субъективно сформулированных парадигм. То же происходит в наше время с общей теорией журналистики. Нормальный же путь — поиск «полей схождения», а «области несхождения» — сфера открытой дискуссии. <...> А дискуссии в поисках истины нет... Каждый придерживается своей точки зрения и не обращает внимания на другую. Или — того хуже — без доказательств, с пренебрежением отвергает её» [2, с. 40].

Это, кстати, весьма характерный признак — «пренебрежительное отвержение». Почему же в казалось бы беспристрастной и объективной среде происходят такие пристраст-

но-субъективные вещи? Откуда берётся это «человеческое, слишком человеческое» в научной среде?

Почему синергетика?

Синергетический подход (синергетическая парадигма) пришёл в теорию массмедиа как ответ на вызовы времени — «хаотические» тенденции в функционировании журналистики как социального института: уютный космос советской системы СМИП был разрушен вместе с государством, а на смену ему мощным потоком устремились западные (преимущественно американские) концепции и доктрины (причём подвергаемые критике [3] на самом Западе, в частности, ставший едва ли не «каноном» доклад «Четыре теории прессы» [4]). Российские учёные, несмотря на все усилия не смогли противопоставить новым рыночным подходам свою оригинальную и самостоятельную *целостную* методологию. Методологический хаос стал первой причиной поиска такой парадигмы, что смогла бы объединить разрозненные очаги теоретической мысли, дать возможность осмыслить происходящее и одновременно наметить пути выхода отечественных масс-медиа из кризиса.

Вторая причина — неразвитость медиарынка России. Несмотря на ускоренное вхождение в капитализм, на быструю и жёсткую коммерциализацию прессы и пропаганду «вульгарного экономизма» некоторыми медиаперсонами, российский медиарынок, тем не менее, находится в стадии становления (по крайней мере в своих более или менее «человеческих» формах): индустрия масс-медиа ещё не выстроилась, медиабизнес пока развит слабо,

иностраный капитал только-только начинает вытесняться отечественным, методы управления зачастую остаются если не средневековыми, то авторитарными (в политической сфере), либо — в экономической — непрозрачными и тяготеющими к монополизации рынка и «ангажированности».

Третья причина, традиционная для России, лежит в плоскости нравственности и, в более точном определении, в сфере справедливости общественного устройства. И если справедливое устройство общества прерогатива государства (в том числе через и с помощью СМИиК), то нравственная ориентация масс — прямое дело журналистов, с чем нельзя не согласиться с Т.В. Науменко: «Журналистика есть система внедрения в массовое сознание социальных оценок текущей действительности, то есть оценок актуальных событий, попадающих в поле зрения массового сознания, оценок актуальных результатов практической деятельности с точки зрения интересов тех или иных социальных групп» [5]. Однако те плюсы и позитивные моменты «хаоса», что перечисляют исследователи — повышение уровня креативности журналистов, появление новых форм и методов деятельности и т. д., в нравственном отношении могут привести к деградации и упадку культуры, как в обществе в целом, так и в случае конкретного человека в частности.

Исследователи традиционно перечисляют ещё ряд причин и признаков кризисного состояния российской медиасреды, требующей новой мыслительной парадигмы, нового осмысления:

– прежде всего, дисфункцию медиасистемы (журналистские коллективы не являются коммерческими предприятиями, поскольку деятельность и существование журналистики определяется идеолого-просветительскими, организационно-пропагандистскими целями, но руководители СМИ, действуя, как правило, без осмысленной информационной политики, вынуждены придерживаться в своей деятельности коммерческой целевой структуры);

– в силу разных причин в профессию пришло огромное число людей различных специальностей, что привело к размыванию профессиональных критериев, мнению о необязательности специального образования и даже к разговорам о «вымирании» профессии журналиста — что особенно характерно для интернет-коммуникаций (впрочем, необходимо отметить, что и на Западе понимание роли, функций и миссии журналистов весьма неоднозначны и дифференцированы как в разных социальных слоях, так и в различных национальных контекстах и культурах [6; 7]);

– проблемно-тематическая всеядность: отсутствие каких бы то ни было жёстко регламентирующих проблемное поле современных СМИиК структур позволяет журналистам писать, говорить, снимать и показывать любые темы и объекты, что открывает колоссальные возможности манипуляции (окна Овертона), обмана (срочность и динамизм обновления информации), «обеспечения» пассивности аудитории (через навязывание потребительски-мещанского образа жизни и пошлости (а иногда и откровенного разврата));

– снижение качества журналистских текстов (мастерства журналистов): это проявляется как в диффузии и размывании чёткой и ясной системы журналистских жанров, так и в языковой и стилистической хаотизации текстов (разнотилье публикаций, невнимание к нормам русского языка, сниженность лексики, массовое заимствование иностранных слов, популярность в сети «албанского языка», мемов и т. д.).

Кроме того, «наблюдения за способами трансляции информации в медиасфере показали, что значимыми для собственно журналистского творчества становятся такие параметры социокультурной ситуации, как размывание границ между разными сферами жизни (общественно-политическая и частная, светская и религиозная, научная и мистическая), разными культурами (классическая и массовая, контркультура и субкультура), разным характером осмысления происходящего (реальный и виртуальный, драматический и иронический)» [8]. Всё большую популярность набирает инфотейнмент — особый тип развлекательности на телевидении и в кино, проявляющий себя в игровой манере подачи информации: с большим количеством ремейков, подражаний, стилизаций, аллюзий и цитат.

Аргументация текстов начинает строиться не на логике и фактах, а на цитатах и прецедентности: «Цитатное мышление делает прецедентный текст одним из способов осмысления новой информации: незнакомое, неясное помещается носителем языка в готовую и понятную схему, при этом нередко происходит упрощение, деформация или частичная потеря смысла. <...> рост преце-

дентности общения является одним из главных путей трансформации современной массовой коммуникации» [9, с. 120], — пишет исследовательница М.С. Саломатина. Такое «цитатное мышление» фрагментарно, ситуативно и бессистемно. Оно по определению не может быть нравственным — поскольку любая ценность для него лишь повод для цитаты, иронии и самовыражения.

Помимо вышеперечисленных проблем, существует и ещё один аспект развития современной российской медиасистемы: благодаря техническим возможностям Сети (интерактивность, многоканальность, мультимедийность, гипертекстуальность) в медиапространстве формируются условия (в идеале) неиерархического партнёрства аудитории и медиа, в частности, как мы уже отмечали ранее, «общение «человек — компьютер» в рамках превалирующего в современной журналистике компенсаторно-развлекательного дискурса выступает основным трендом. И сетевые компьютерные игры в нём начинают играть всё более возрастающую роль» [10, с. 231]. Можно говорить о компьютерных играх как новом, но органичном элементе медиакommunikation.

Синергетика как теория.

Но чего?

Журналистика как синергетическая система — это сложноорганизованная, самопорождающаяся и саморазвивающаяся система, характеризующаяся такими признаками, как открытость, нестабильность, неравномерность и нелинейность, функционирующая по единым для всего мироздания законам.

Их, эти перспективные идеи, применительно к журналистике еще 20 лет назад сформулировала Л.Г. Свитич в докладе «Смена научной парадигмы и журнализм» [11, с. 10–17]: идею холизма, многообразия и многосоставности вселенной и человеческого сообщества при существовании единых законов их функционирования; идею об информационно-энергетическом принципе вселенной и существовании метаинформационного слоя земли, — ноосферы; о принципиальной возможности человека общаться с метаинформацией, которая может реализоваться в будущем; идею о цикличности, ритмологии природных и социальных процессов; о спиральности и разновекторности движения природных и социальных систем, о сочетании эволюционности и фурационности (катастрофизма) в развитии цивилизаций; идею о двойственности, бинарности природных и социальных информационных систем; а также принцип «золотого сечения», т. е. преобладании позитивных, созидательных процессов над негативными в природных и социальных системах.

Более подробно вышеуказанные и другие синергетические перспективы были изложены ею в монографии «Феномен журнализма» (М.: Изд-во МГУ, 2000), однако не получили широкого распространения и глубокой разработки, что и показала начатая в 2016 году журналом «Вопросы теории и практики журналистики» дискуссия о необходимости новых подходов к созданию теории СМИ [12, с. 6–13]. В ответ на первые публикации исследовательница откликнулась статьёй «Изучение журналистики в контексте общенаучных

парадигм», где подробно, со ссылками и цитатами, во-первых, показала свой приоритет в постановке данной проблемы, во-вторых — изложила основные гипотезы тех лет и, в-третьих, что особо важно, констатировала: «Изложенные здесь аналогии следует считать предположительными и требующими дальнейшего осмысления и исследования. Однако в дальнейшей разработке их видятся интересные инновационные возможности по-новому взглянуть на информационную деятельность вообще и на журнализм как одну из ее форм, в частности, т. е. переосмыслить в свете общенаучной современной информационной парадигмы» [13]. Действительно, за более чем двадцатилетнюю историю своего существования в опубликованном виде «инновационные» принципы так и остались «аналогиями», и по-прежнему находятся в стадии «перспективных идей и гипотез».

Этот факт отмечал Е.П. Прохоров (автор базового на сегодня учебника по теории журналистики) в методологической монографии «Исследуя журналистику», говоря о том, что синергетический подход в отношении журналистики перспективен, но очень сложен в реализации, поскольку если с традиционными классическим (механистическим) детерминизмом исследователи хорошо знакомы, то уже позиции диалектического (неклассического) подхода («частным случаем» которого оказался детерминизм) освоены хуже — что же говорить о постнеклассических подходах, одним из которых и является синергетика: «Все три находятся в состоянии топологического единства, играют свои роли в разных предметных «простран-

ствах» и в ряде случаев взаимодополнительны» [14, с. 51]. Однако учёный многократно предупреждал, что увлечение прямыми аналогиями и переносом естественнонаучных и математических принципов (на которых и строится синергетика изначально) чревато трудностями. И дело даже не в терминологии или сложности этих принципов. Для начала необходимо просто ответить на вопрос: что есть журналистика? Журнализм? Публицистика?

Тем не менее, о том что намеченные Е.П. Прохоровым системно-синергетические идеи остро востребованы сегодня, пишут в статье «Синергетика и теория журналистики: аспекты исследования медиасистемы», посвящённой 85-летию со дня рождения ученого, его коллеги М.В. Шкондин и И.Н. Демина [15, с. 14–28]. В ней они подробно характеризуют современный этап развития медиаисследований журналистики и как системного объекта, и как синергетической системы. На базе научных концепций этого видного специалиста ими анализируются основные категории системного, синергетического подхода, предложенные Е.П. Прохоровым ещё в 70-е (!) годы и применяемые в исследованиях его последователей (целостность медиасистемы, её функциональные и структурные особенности, информационный потенциал общества, медиaprостранство и др.).

Казалось бы — журналистике как никому другому подходит определение «сложноорганизованной синергетической социальной системы», а синергетическая методология — правильно понятая и применённая — действительно таит в себе весьма заманчивые исследо-

вательские перспективы: «Открытая адаптивная методология синергетики может выступать для печатной журналистики гарантом преемственности научных ценностей и новаций смежных наук. Гибридизация, или соединение, методологий позволяет каждой дисциплине, во-первых, «высвободить новую силу и энергию» (М. Маклюэн) для дальнейшего развития; во-вторых, означать «свои» структурные компоненты, свойства и открыть перспективы «чужих» и, в-третьих, «распахнуть двери перед целым рядом наук» (Ф. де Соссюр) и тем самым свои научные интересы включить в сферу их компетенции» [16, с. 198].

Однако «что-то всё время идёт не так»: сколько лет данный перспективный подход ни заявляется, а воз теории и ныне там. В чём дело? Почему данный (как и многие другие — деятельностный, политологический, филологический) подход «не работает»? Видимо, действительно в том, что участникам никак не удаётся договориться о терминах. И прежде всего — о «журналистике»?

О чём спор?

Обратимся к существу дискуссии. Фактически, лидерами двух ведущих школ озвучены две точки зрения на исходный, базисный тезис построения теории журналистики, сложившиеся в современной теоретико-методологической мысли:

– журналистика шире, чем СМИ (С.Г. Корконосенко) и

– СМИ стали шире, чем журналистика (Е.Л. Вартанова).

Рассмотрим формулировки подробнее. В статье «Теория медиа как перекресток научных подходов и ме-

тодов» [17], Е.Л. Вартанова, рассматривая категории «журналистика» и «СМИ», пишет: «...в России до сих пор основным предметом в анализе медиа остается журналистика, которая для многих исследователей часто выступает синонимом более широкого понятия — средства массовой информации (или массмедиа)» [17, с. 167]. И далее во всём тексте статьи так и употребляет эти термины через слеш — как синонимы: «теория журналистики / СМИ в России имеет очевидный нормативный характер», теория «ставит перед журналистикой / СМИ определенные задачи» [17, с. 168] и т. д. Вполне закономерен и вывод: «Словом, главная задача современного этапа формирования теории медиа — не конкуренция, а синергия подходов» [17, с. 172].

Общеизвестно, что синергия представляет собой усиливающий эффект взаимодействия двух или более факторов, характеризующийся тем, что совместное действие этих факторов существенно превосходит простую сумму действий каждого из указанных факторов. Однако надо учитывать и нюанс действия закона синергии в обществе, гласящий, что синергия есть процесс существенного усиления, либо существенного ослабления потенциала какой-либо социальной системы. В данном конкретном случае «синергия» совершенно разноплановых категорий и отражаемых ими явлений выступает грубейшей редукцией и ведёт к ослаблению научно-поискового потенциала отечественной теории, за счёт неоправданного «умножения сущностей»: дробления проблемы на отдельные разнонаправленные эмпирические исследования.

И это не случайная ошибка, а принципиальная исследовательская позиция ведущих специалистов МГУ, связанная с установкой на традиционный «социологизм» и пришедший с Запада «вульгарный экономизм» (редакция — коммерческое предприятие; «информация» — товар; цель деятельности — прибыль). Позже, в фундаментальной коллективной монографии «Теория журналистики в России» (СПб, 2018) [18], исследовательница напишет: «Понимание двух терминов — СМИ (масс-медиа) и журналистика, которые в контексте изучения экономических теорий зачастую становятся синонимами, подменяют или даже заменяют друг друга. В данной главе мы не стремимся разделять и уточнять эти понятия, напротив, по нашему представлению, в современной экономике журналистика не является отдельным субъектом экономической деятельности, а входит в систему видов деятельности редакции и владеющей ей медиаконпании (или фирмы массмедиа), в систему профессий медиаиндустрии, а также отрасли СМИ» [18, с. 159]. То есть самый сложный и фундаментальный феномен интеграции (самоорганизации) общества сводится к (1) виду деятельности (2) в системе экономических отношений.

В подтверждение нашего тезиса о неслучайности видения проблем журналистики сквозь призму западных концепций, приведём слова участника нашей дискуссии Д.В. Дунаса (научный руководитель Е.Л. Вартанова): «Теорию СМИ создали социологи. Причем зарубежные. Вероятно, российским исследователям не хватает ощущения причастности к созданной теории,

российских интерпретаций и рефлексий, референций к отечественной теории журналистики. В работах социологов мы не находим рассмотрения журналистики и создания теоретических описаний журналистики, но находим системное изучение процессов массовой коммуникации в структуре общества» [19, с. 38].

Этот тезис не остался без внимания патриарха Санкт-Петербургской школы исследования журналистики С.Г. Корконосенко. В упомянутой монографии «Теория журналистики в России», он заметил, что «знак тождества между российским (советским) «СМИ» и «mass communication» или «media» ставят только простенькие школьные англо-русские словари. Да и в целом сомнительны преимущества «закрытия» одной сложившейся ветви исследований во имя процветания другой, вместо их взаимодействия и взаимодополнения» [18, с. 19]. А несколько позже отметил и печальное следствие из «преклонения перед Западом»: «Тем более неоправданным выглядит опыт российского автора [20] по описанию основных школ, теорий и концепций исследования СМИ в мировой истории: среди них нет ни одного представителя отечественной науки» [18, с. 40]. И это при том, что даже не обращаясь к конкретным именам советских исследователей, достаточно упомянуть концепцию партийной печати В.И. Ульянова-Ленина (безотносительно к его политическим взглядам), определившую лицо всей мировой журналистики на столетие вперёд: ведь даже известная теория социальной ответственности прессы (а позже теория инфотеймента) стала вынужденным ответом

на разработку советскими теоретиками «коммунистической» теории печати.

Однако возвратимся к главным тезисам дискуссии. Основная мысль С.Г. Корконосенко понятна и убедительна: необходимо «проведение фундаментальных и комплексных исследований журналистики как глобального политико-социального, культурного и духовного явления. Недооценка её как действенного социального института, сведение её до статуса медиа губительны, это неизбежно приведет к дегуманизации и деградации общественной жизни. Журналистика, суть которой выхолощена или хотя бы раскрыта поверхностно, теряет своё назначение и превращается в свою противоположность — в инструмент разрушения сознания и уничтожения социальных устоев, она провоцирует мощное усиление энтропийных процессов в сообществе людей». [18, с. 41]. И в особых комментариях, на наш взгляд, не нуждается.

Авторы изначальной проблемной статьи А.П. Суходолов и М.П. Рачков выбирают точку зрения Е.Л. Вартановой, считая, что теорию журналистики необходимо «ставить» на а) теории динамических систем и б) математизации деятельности СМИ (т. е. **исследовании каналов — СМИ, а не феномена журналистики**). И далее, уже абсолютно логично, формулируют свою теоретическую позицию:

1. Журналистика как массово-информационная деятельность институализируется именно в системе СМИ и вне функционирования и развития СМИ не существует. Поэтому, чтобы познать журналистику, надо сначала открыть дверь

в СМИ и разобраться в том, что они такое, т. е. исследование системы СМИ (читай, медиасистемы) должно предшествовать анализу самой журналистской деятельности.

2. СМИ представляют собой сложную структурированную информационно-коммуникационную и экономическую систему, изучение которой облегчается с позиции уже разработанной общей теории систем (ОТС) и её методологии.

3. СМИ, далее, есть не просто сложная структурированная система. По своему исторически пройденному пути и современному состоянию она есть одна из самых динамично развивающихся систем, которая может быть описана с помощью разработанной теорией динамических систем (ТДС) математического инструментария.

Однако, без чёткого понимания и разделения «журналистики» и «СМИ», то есть, говоря языком философской методологии, «функции» и «функционирования» (на что неоднократно указывала Т.В. Науменко), возникает ряд вопросов, в частности, по первому тезису.

Журналистика бесспорно институализируется в системе СМИ — медиасистеме. Но только ли, и «исключительно» ли, в системе СМИ: а как же публицистика? Документалистика? Возникает вопрос: а что такое эти самые «СМИ»? Печать-телевидение-радио? Но разве «до печати» не реализовывались в обществе «информационные и коммуникативные функции СМИ»? (Институт церкви и королевских герольдов в средневековье; жречество ранее: славянские волхвы и калики переходящие, азиатские дервиши, восточные шаманы; мистерии и оракулы, рито-

ры и ораторы греков; агоры древних полисов; совет старейшин и знахари в родоплеменные времена...)

Или другая проблема: большинство текстов журналистики являются текстами функциональными, подчинёнными определённым, часто довольно жёстким, коммуникативным (и иным) задачам медиасистемы. Но есть ведь также массив афункциональных текстов, например, эссеистика или очерковая беллетристика (в литературоведении называемые «внеродовыми формами» [21, с. 330–332]). Как быть с ними?

Добавим к этому и ещё одну тему, поднимаемую медиафилософией: вопрос о самой сущности медийности/медиальности, как и самого термина «медиа», набирающего «популярность» в рамках теоретико-журналистского дискурса. Исследователи указывают: «Медиаальность может быть рассмотрена как совокупность социальных конвенций, предшествующих любой коммуникации, при этом реализация конкретных знаковых комбинаций происходит в конкретном коммуникативном акте уже на уровне медиума и тех семиотических и технических механизмов, возможности которых он синтезирует» [22]. Если традиционные медиа, как пишет другой исследователь, Кристоф Вульф, связанные с телесностью человека, сообщают то, что прежде было несуществующим и невоспринимаемым, то «новые» медиа, как например, компьютерная коммуникация конструируют новые формы знания в соответствии со своей медиаальностью («технологией создания образов»), делая, «в информационной визуализации невидимое видимым» [23, с. 159–160].

Налицо явный вызов: мало придать какой-либо субстанции статус медиа, необходимо выявить и объяснить её медиальную природу. Как считают авторы фундаментального исследования «Systematische Medienphilosophie» [24], задача философской рефлексии в том, чтобы понять: сущность медиа — лишь нейтральный проводник или определяющий бытие общества фактор?

Очевидно, что всё снова упирается в главный вопрос: что же представляет собой «феномен журналистики»? Попробуем дать ему своё определение, обратившись (кратко) к пройденному ею (журналистикой) «историческому пути».

Сущность журналистики

с точки зрения социально-институциональной (феноменальной), сущность журналистики характеризуется как потребность общества в рефлексии. Данное определение журналистики — как оперативной массовой общественной рефлексии [25] — выведено его автором, Ф. Муминовым, из теоретических построений Гегеля и анализа современной ему (автору определения; да и сегодня весьма немногочисленной) литературы по методологии журналистики. Так сказать, постулировано де-факто.

Но стоит добавить, что возникновение журналистики в ответ на потребность общества себя отрефлексировать, осознать, относится к весьма древним временам, когда «стадное» существование наших предков сменилось родоплеменным. Не вдаваясь в подробности, отошлём к фундаментальной работе Б.Ф. Поршнева «О начале человеческой истории (проблемы палеопсихо-

логии)»: подвергнув критике учение Энгельса о труде как движущей силе антропогенеза, за критерий «разумности» человека Поршнев взял обладание речью. Но что интересно для нас: изначальная речь носила суггесторный, воздействующий, образный характер — смыслообраз передавался непосредственно от психики к психике; современная же речь, логически-семантическая, стала новой ступенью развития, переходом от дологических, интуитивных форм понимания к лексико-семантическим, сознательно-логическим. То есть современная речь стала первой коммуникативной *технологией*, «техническим посредником» между «коммуникантом и реципиентом» (сформировав/заложив саму возможность, по Н. Луману, «коммуникативных операций» [26, с. 10–11]).

Данный переход сопровождался не только существенным укрупнением социальных групп (с 30–50 человек до сотен и более членов племенного союза), но и серьёзной профессиональной дифференциацией, разделением труда. Количество профессий и специализация внутри них возросли на порядок, что привело к возникновению и обособлению профессиональных, социальных и иных страт и сегментов общества.

Возникла естественная для рядовых членов и жизненно необходимая для «управленцев» потребность как в «преодолении пространств» («социум» расширился в том числе географически), так и в «обмене информацией», «коммуникации» между различными социальными структурами. Формируются, соответственно, три сферы «информационной» деятельности (так называемые «пражурналистские явления»): па-

радигма управленческая (приказ-отчёт; «сигнал — обратная связь»), исследовательско-познавательная (зачатки практической науки и медицины) и религиозно-ценностно-«художественная» (осмысление мира и окружающего пространства, места и роли человека в нём).

Позже, соответственно, появляются и люди, специально освобождённые от иных обязанностей ради удовлетворения «информационных запросов общества». Это гонцы и глашатаи; писцы; жрецы (решавшие в том числе и вопросы научно-технического прогресса и врачевания); поэты и сказители.

Учитывая, что собственно журналистика есть ежедневная фиксация людьми наблюдаемых ими фактов и событий, а с другой стороны — это потребность членов общества знать, что происходит вокруг и внутри их общества (т. е. желание узнать, что «ежедневно видят» другие), можно говорить о проблеме «критериев и методов отбора» социально востребованной («значимой») информации. Ведь очевидно, что не всё «зафиксированное» людьми (устно, письменно или «в цифре») можно и нужно передать (распространить) и потому в обществе (как правило, элитой, правящим классом, «господствующим гегемоном», по А. Грамши) вводятся определённые «фильтры»: законодательные, идеологически-религиозные, ценностные и иные, складывающиеся в привычные нам социальные институты, подкрепляемые легитимным насилием. Но задача журналистики в целом остаётся неизменной — отражать «панораму событий», оперативно воссоздавать картину мира, поставляя аудитории нужные ей сведения

и устранять мнения ненужные, вредные: избыточные. С точки зрения элиты, естественно.

Подведём итог.

1) Журналистика как исторический феномен есть социальный институт, возникший для удовлетворения потребности социума в оперативной и актуально-ценностной рефлексии и поддержания его (общества) единства.

2) Журналистика в индивидуально-творческом аспекте — это деятельность по ежедневной фиксации индивидом наблюдаемых фактов и событий.

3) Журналистика в «узком» смысле, как индивидуальная *профессиональная* деятельность, может быть редуцирована (чем и воспользовались западные теоретики) к журнализму — деятельности по поиску, фиксированию и оперативному распространению (публичному оглашению) социально востребованных фактов и сведений.

Таким образом, феномен журналистики подразумевает неразрывное единство трёх «ипостасей» [27, с. 16–17]:

– как социокультурный феномен это **оперативная массовая общественная рефлексия** (свойство общества, связанное со способностью социальных систем к самоорганизации);

– как социальный институт это **медиасистема** (сложная, открытая, многоуровневая, динамичная, эволюционная система, подчинённая (как любая система) единственной социальной задаче, генеральной функции — устранять избыточные мнения и формировать единую картину мира на основе социально-эстетической и/или нравственной оценки

текущей действительности, и включающая в себя в «свёрнутом» виде традиционные «печать-радио-телевидение-интернет», а в случае национально-государственного единства, разворачивающаяся до мощной пропагандистской «машины», духовно контролирующей все медиаресурсы общества — музыкальную эстраду, кино, театр, книгопечатание, моду и прочие, вплоть до компьютерных игр);

– как социальный процесс это **«духовное производство» (коммуникативно-управленческая деятельность)**, связанное с производством текстов и внедрением в массовое сознание системы мировоззренческих смыслов (системы ценностей, мировоззрения: единых картины мира, образа жизни, и образа желаемого будущего) с помощью специальных относительно быстродействующих технических систем/устройств (межевой столб — стелла — печатный станок — телекамера — компьютер — Сеть — чип-имплант и так далее).

От лабиринта теорий — к метатеории

возникает следующий критически важный — методологический — вопрос: учитывая, что обсуждаемый нами феномен журналистики состоит из трёх достаточно самостоятельных сфер, может ли теория, как форма научного знания, объединить их и объяснить? Мы говорим — нет.

Учитывая, что под теорией в науке понимается представление о закономерностях и существенных связях определённой (частной) области действительности, а журналистику как раз и составляют три такие области (сферы) практической деятель-

ности: журнализм, публицистика и беллетристика, речь соответственно должна идти о трёх отдельных (частных) теориях — теории журнализма, теории публицистики и теории беллетристики (об этом первым заявил В.Г. Белинский и об этом же — различении, как минимум, «журналистики» и «публицистики» — неоднократно писал Е.П. Прохоров). Следовательно, когда мы говорим о необходимости познания (исследования) феномена журналистики, речь необходимо вести о его метатеории, или — **общей теории журналистики (ОТЖ)**.

С точки зрения методологии науки, метатеория (общая теория чего-либо) выступает *обобщающей* теорией, сводящей знания различных отдельных дисциплин (не способных самостоятельно объяснить отражаемый метатеорией объект — в данном случае, журналистику) в единое целое. Ныне же теоретики журналистики пытаются подвести её под какую-либо частную теорию или концепцию: экономическую, психологическую, политическую, социологическую, коммуникативную, филологическую... Что, как мы понимаем, совершенно несправедливо как с точки зрения методологии, так и с точки зрения самой логики.

Однако если учитывать тот факт, что журналистика реализуется через упомянутые три ипостаси — то всё приходит в норму, в стройную и непротиворечивую систему.

Так, журналистику как медиасистему (социальный институт) будут изучать прикладные дисциплины, такие, например, как социология, си-нергетика, филология и т. д.

Сущность журналистики в аспекте «антропологического треугольника»

и разрешаемых в нём этических дилемм — такие дисциплины, как психология творчества, аксиология, культурология и этика, философская антропология и другие.

Функционирование журналистики в обществе (как «духовного производства») — коммуникативистика, социальная психология, экономика, политология и социальная философия, история...

На наших глазах, вследствие «медийного поворота» [28], очевидно складывается новая медиальность. Учитывая её «перформативный характер» [29], её ядром, по всей видимости, выступит эссеизм — особый вид философской рефлексии и универсальный способ осмысления мира. Вне концепций и систем. Будучи понятийно-образным мышлением и являясь основой различных интегративных феноменов в современной культуре (от сценических постановок или проведения литургического действия до флеш-мобов и пиар-компаний, от военных парадов до персональных выставок, от выборов до народных гуляний), он, возможно, станет определяющей тенденцией в массово-коммуникационной жизни общества: как в организации и управлении ею, так и в персональном её восприятии и исполнении [30].

Именно поэтому предложенную нами концепцию метатеории журналистики мы обозначили как «Экзистенциальную теорию журналистики» [31]. Центром и ядром которой выступает человек, личность. Благодаря философско-антропологическому подходу («Человек — мера вещей»), удалось достаточно чётко определить сущность, структуру, объект и предмет, функции и иные

ключевые категории и понятия журналистики. Что, надеемся, отчасти и показало вышеизложенное методологическое размышление.

Заключение

Подводя общий итог всему сказанному, можно, по всей видимости, обозначить одну важную для всей теоретической мысли о журналистике тему: глубокую, пока ещё, интегрированность теории журналистики в филологическую отрасль и социологическую парадигму, что вполне объяснимо особенностями исторического развития нашей страны. Однако надо отметить, что несмотря на многочисленные успешные исследования и решения в рамках данных подходов, перед общей теорией журналистики сегодня стоит задача (1) самоосознания и (2) выработки нового осознанного взгляда на себя как на метатеорию, отражающую (рефлексирующую) сложный междисциплинарный теоретико-методологический — собственный! — предмет [32]. Именно автокоммуникативная (Ю. Лотман), рефлексирующая (Экзистенциальная) метатеория даст учёным-теоретикам релевантные их конкретным исследовательским задачам теоретические и методологические основания: категориально-терминологические, проблемно-тематические, методические и технико-процедурные.

Наверное необходим один большой всероссийский (впрочем, почему бы и не международный?) симпозиум, на котором бы смогли на несколько дней собраться теоретики журналистики и высказаться по ключевым для неё положениям. Причём собраться на правах хозяев, формирующих повестку дня сооб-

разно собственным интересам, а не на правах приглашённых участников, следующих в фарватере установленных тем и проблем. Результатом чего стало бы принятие основных категорий и определений отечественной (индигенной) общей теории журналистики, в рамках единого понимания которых мы все (независимо друг от друга) смогли бы вести свои исследования, находясь при том в едином терминологическом и понятийном дискурсе.

И почему бы такой симпозиум не провести именно на базе журнала «Вопросы теории и практики журналистики»? Не потому что его создатели и идейные вдохновители первыми начали дискуссию о сущности журналистики (хотя — и поэтому тоже!), но потому, что этот форум стал бы достаточно демократичным по своей сути: без давления авторитета ведущих школ исследования медиа, без массового участия авторов-засегдаев местных конференций и научных туристов (наоборот, по приглашению оргкомитета съехались бы кровно заинтересованные в ОТЖ исследователи), а сама работа прошла бы не в профанирующем формате «панельной дискуссии» (50 выступлений по три минуты), а в режиме реального диалога, спора, диспута, обсуждения и принятия конечных (рабочих, рекомендательных) резолютивных решений / определений / дефиниций.

С публикацией, естественно, наиболее значимых материалов в журнале (а по согласованию, и во многих журналах — с перекрёстными ссылками, с ответами оппонентам и рецензиями на доклады, в течение, например года). В принципе, возможно было бы даже посвятить

этой важнейшей дискуссии отдельный сайт, где каждый заинтересованный смог бы найти все материалы обсуждений без естественных в печатных изданиях сокращений, а возможно и больше — аудиозаписей стенограмм выступлений, видео докладов и, возможно, значимых (ключевых) видеолекций (учитывая, что по российским университетам покатила очередная кампания по разработке дистанционных онлайн-курсов, у многих коллег уже будет материал, либо опыт по его начитке, с более подробным, чем в докладе, изложением оригинальных идей и концепций). Кроме того, после регистрации, на сайте обсуждения могли бы продолжиться в комментариях, уточнениях и дополнениях, по принципу Википедии.

Это, без сомнения, был бы великий проект: как учебный (студентам и аспирантам стали бы доступны

эксклюзивные и свежайшие материалы выступлений ведущих теоретиков медиа) и практически-научный (обмен мыслями, идеями и выработка единых — хотя бы ключевых — категорий и понятий современных медиа), так и культурно-исторический (живая речь участников стала бы данью памяти тем, кого, по естественным причинам, когда-нибудь услышать мы уже не сможем). Ведь никто не вечен, а исследователи и университетские профессора — даже журналистских кафедр — далеко не всегда публичные люди. Сайт смог бы стать своего рода музеем журналистики России. Пусть виртуальным (электронным), но от того не менее значимым и полезным.

Но главное, мы бы смогли встретиться лицом к лицу и обсудить свою корпоративную — такую непростую и теоретически запутанную на сегодня — жизнь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жирков Г.В. Питерская школа подготовки журналистов: три модели выпускника [Электронный ресурс] / Г.В. Жирков // 60 лет университетскому журналистскому образованию в России. 1946–2006. Ленинград — Санкт-Петербург, факультет журналистики СПбГУ. — СПб. : Моби Дик, 2006. — Режим доступа: <http://www.jf.spbu.ru/museum/296.html>.
2. Прохоров Е.П. Исследуя журналистику. Теоретические основы, методология, методика, техника работы исследователя СМИ : учеб. пособие / Е.П. Прохоров. — М. : РИП-Холдинг, 2005. — 200 с.
3. Altshull J.H. Agents of Power: the role of the news media in human affairs / J.H. Altshull. — New York ; London : Addison-Wesley Longman, 1984. — 355 p.
4. Сиберт Ф.С. Четыре теории прессы / Ф.С. Сиберт, Т. Питерсон, У Шрамм. — М. : Вагриус, 1998. — 223 с.
5. Наumenко Т.В. Функция журналистики и функции СМИ [Электронный ресурс] / Т.В. Наumenко // CREDO NEW. — 2000. — № 20. — Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/176/271>.
6. Hanitzsch T. What Shapes the News around the World? How journalists in eighteen countries perceive influences on their work / T.Hanitzsch, C.Mellado // International Journal of Press/Politic. — 2011. — Vol. 16, iss. 3. — P. 404–426.
7. Wahl-Jorgensen K. The Handbook of Journalism Studies / K.Wahl-Jorgensen, T. Hanitzsch. — London : Routledge, 2009. — 467 p.
8. Зверева Е.А. Журналистика эпохи постмодерна: векторы исследования / Е.А. Зверева // Социально-экономические явления и процессы. — 2011. — № 10 (32). — С. 265–272.

9. Саломатина М.С. Прецедентность современного дискурса как следствие когнитивной глобализации / М.С. Саломатина // Человек в информационном пространстве : в 2 т. : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.В. Анисьиной. — Ярославль, 2010. — Т. 1, вып. 9. — С. 116–120.
10. Дмитриевский А.Л. Медиасистемы и конвергенция в СМИ: компьютерные игры как элемент современной медиакommunikation / А.Л. Дмитриевский // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования. Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом : сб. науч. работ / под ред. Е.А. Кожемякина, А.В. Полонского. — Белгород, 2016. — С. 230–237.
11. Свитич Л.Г. Смена научной парадигмы и журнализм / Л.Г. Свитич // Средства массовой информации в современном мире : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. В.И. Конькова. — СПб., 1998. — С. 10–17.
12. Суходолов А.П. К созданию теории средств массовой информации: постановка задачи / А.П. Суходолов, М.П. Рачков // Вопросы теории и практики журналистики. — 2016. — Т. 5, № 1. — С. 6–13. — DOI: 10.17150/2308-6203.2016.5(1).6-13.
13. Свитич Л.Г. Изучение журналистики в контексте общенаучных парадигм / Л.Г. Свитич // Вопросы теории и практики журналистики. — 2016. — Т. 5, № 4. — С. 546–561. — DOI: 10.17150/2308-6203.2016.5(4).546-561.
14. Прохоров Е.П. Исследуя журналистику: теоретические основы, методология, методика, техника работы исследователя СМИ : учеб. пособие / Е.П. Прохоров. — М. : РИП-Холдинг, 2006. — 202 с.
15. Демина И.Н. Синергетика и теория журналистики: аспекты исследования медиа-системы / И.Н. Демина, М.В. Шкондин // Вопросы теории и практики журналистики. — 2016. — Т. 5, № 1. — С. 14–28. — DOI: 10.17150/2308-6203.2016.5(1).14-28.
16. Шилина А.Г. Синергетика и печатная журналистика: междисциплинарная коммуникация / А.Г. Шилина // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия. Филология. Социальные коммуникации. — 2012. — Т. 25 (64), № 1, ч. 1. — С. 193–198.
17. Вартанова Е.Л. Теория медиа как перекресток научных подходов и методов / Е.Л. Вартанова // Вопросы теории и практики журналистики. — 2018 — Т. 7, № 1. — С. 165–176. — DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(1).165-176.
18. Теория журналистики в России / под ред. С.Г. Корконосенко. — СПб. : Алетей, 2018. — 254 с.
19. Дунас Д.В. О целесообразности создания теории СМИ на современном этапе / Д.В. Дунас // Вопросы теории и практики журналистики. — 2017. — Т. 6, № 1. — С. 30–40. — DOI: 10.17150/2308-6203.2017.6(1).30-40.
20. Дунас Д.В. Развитие и современное состояние теоретических исследований журналистики и СМИ в России : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Д.В. Дунас. — М., 2016. — 216 с.
21. Хализев В.Е. Теория литературы / В.Е. Хализев. — 4-е изд., испр. и доп. — М. : Высш. шк. — 2004. — 405 с.
22. Кузнецова Е.И. Медиа и медиальное: социально-философский анализ / Е.И. Кузнецова, А.М. Дорожкин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. — 2008. — № 3 (11). — С. 171–186.
23. Вульф К. Антропология: история, культура, философия / К. Вульф ; пер. с нем. Г. Хайдаровой. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. — 280 с.
24. Lagaay A. Medientheorien. Eine philosophische Einführung / A. Lagaay, D. Lauer. — Frankfurt am Main ; New York : Campus Verlag, 2004. — 259 S.
25. Муминов Ф. Метод журналистики и методы деятельности журналистов / Ф. Муминов. — Ташкент : Университет, 1998. — 57 с.
26. Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. — М. : Праксис, 2005. — 256 с.
27. Дмитриевский А.Л. Журналистика как социальный институт с точки зрения экзистенциальной теории журналистики / А.Л. Дмитриевский // Коммуникация в современном

мире : материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Проблемы массовой коммуникации», Воронеж, 13–14 мая 2016 г. / под ред. В.В. Тулупова. — Воронеж, 2016. — Ч. 1. — С. 16–17.

28. Савчук В.В. Медиафилософия. Приступ реальности / В.В. Савчук. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб. : Изд-во РХГА, 2013. — 338 с.

29. *Theorien des Performativen* / ed. E. Fischer-Lichte, Ch. Wulf // Paragana. — 2001. — Bd. 10, H. 1. — S. 271–283.

30. *Praktiken des Performativen* / ed. ed. E. Fischer-Lichte, Ch. Wulf // Paragana. — 2004. — Bd. 13, H. 1. — S. 35–64.

31. Дмитриевский А.Л. Экзистенциальная теория журналистики: на пути к метатеории / А.Л. Дмитриевский // Вестник Челябинского государственного университета. — 2015. — № 5 (360). — С. 15–20.

32. Дмитриевский А.Л. Объект и предмет общей теории журналистики / А.Л. Дмитриевский // Современный дискурс-анализ. — 2018. — Т. 1, № 3 (20). — С. 16–22.

REFERENCES

1. Zhirkov G.V. St. Petersburg School of Journalism: Three models of graduates. In *60 let universitetskому zhurnalistskomu obrazovaniyu v Rossii. 1946–2006. Leningrad – Sankt-Peterburg, fakul'tet zhurnalistiki SPbGU*. [60th anniversary of university education in journalism in Russia. 1946–2006 Leningrad – Saint Petersburg, Faculty of Journalism of Saint Petersburg State University]. Saint Petersburg, Mobi Dik Publ., 2006. Available at: <http://www.jf.spbu.ru/museum/296.html>.

2. Prokhorov E.P. *Issleduya zhurnalistiku. Teoreticheskie osnovy, metodologiya, metodika, tekhnika raboty issledovatelya SMI* [Studying Journalism. Theoretical basics, methodology, methods, media researcher techniques]. Moscow, RIP-Kholding Publ., 2005. 200 p.

3. Altshull J.H. *Agents of Power: the role of the news media in human affairs*. New York, London, Addison-Wesley Longman, 1984. 355 p.

4. Siebert F., Peterson T. B., Schramm W. *Four theories of the press*. Chicago, University of Illinois Press, 1956. 153 p. (Russ. ed.: Siebert F., Peterson T. B., Schramm W. *Chetyre teorii pressy*. Moscow, Vagrius Publ., 1998. 223 p.).

5. Naumenko T.V. Functions of journalism and functions of mass media. *CREDO NEW*, 2000, no. 20. Available at: <http://credonew.ru/content/view/176/27/>.

6. Hanitzsch T., Mellado C. What Shapes the News around the World? How journalists in eighteen countries perceive influences on their work. *International Journal of Press. Politics*, 2011, vol. 16, iss. 3, pp. 404–426.

7. Wahl-Jorgensen K., Hanitzsch T. *The Handbook of Journalism Studies*. London, Routledge, 2009. 467 p.

8. Zvereva Ye.A. Postmodern Journalism: Vectors of the Study. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy = Socio-Economic Processes and Phenomena*, 2011, no. 10 (32), pp. 265–272. (In Russian).

9. Salomatina M.S. Precedence of modern discourse as a result of cognitive globalization. In Aniskina N.V. (ed.). *Chelovek v informatsionnom prostranstve* [The man in information space]. Yaroslavl, 2010, vol. 1, iss. 9, pp. 116–120. (In Russian).

10. Dmitrovsky A.L. Media systems and convergence in mass media: computer games as an element of modern communication. In Kozhemyakin E.A., Polonskii A.V. *Diskurs sovremennykh mass-media v perspektive teorii, sotsial'noi praktiki i obrazovaniya. Aktual'nye problemy sovremennoi medialingvistiki i mediakritiki v Rossii i za rubezhom* [Modern mass media discourse in the framework of theory, social practice and education. Current issues of modern media linguistics and media criticism in Russia and abroad]. Belgorod, 2016, pp. 230–237. (In Russian).

11. Svitich L.G. Changing of the scientific paradigm and journalism. In Konkov V.I. (ed.). *Sredstva massovoi informatsii v sovremennom mire. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Saint Petersburg, 1998. [Mass Media in the Modern world. Materials of International Research Conference]. Saint Petersburg, 1998, pp. 10–17. (In Russian).

12. Sukhodolov A.P., Rachkov M.P. To create a theory of the media: statement of the problem. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of*

Journalism, 2016, vol. 5, no. 1, pp. 6–13. DOI: 10.17150/2308-6203.2016.5(1).6-13. (In Russian).

13. Svitich L.G. Studying journalism in the context of interdisciplinary paradigms. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2016, vol. 5, no. 4, pp. 546–561. DOI: 10.17150/2308-6203.2016.5(4).546-561. (In Russian).

14. Prokhorov E.P. *Issleduya zhurnalistiku. Teoreticheskie osnovy, metodologiya, metodika, tekhnika raboty issledovatelya SMI* [Studying Journalism. Theoretical basics, methodology, methods, media researcher techniques]. Moscow, RIP-Kholding Publ., 2006. 202 p.

15. Demina I. N., Shkondin M. V. Synergetics and theory of journalism: aspects of research of media systems. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2016, vol. 5, no. 1, pp. 14–28. DOI: 10.17150/2308-6203.2016.5(1).14-28. (In Russian).

16. Shylna A.G. Synergetics and Printed Periodical Press: Interdisciplinary Communication. *Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series Filology. Social Communications = Scientific Notes of V.I. Vernadsky Tauridas National University. Series. Philology. Social communications*, 2012, vol. 25 (64), no. 1, pr. 1, pp.193–198. (In Russian).

17. Vartanova E.L. Media Theory as a Crossroads of Scientific Approaches and Methods. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2018, vol. 7, no. 1, pp. 165–176. DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(1).165-176. (In Russian).

18. Korkonosenko S.G. (ed.). *Teoriya zhurnalistiki v Rossii* [Journalism Theory in Russia]. Saint Petersburg, Aleteiya Publ., 2018. 254 p.

19. Dunas D.V. On the Question of the Feasibility of Media Theory Formulation at Present Time. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2017, vol. 6, no. 1, pp. 30–40. DOI: 10.17150/2308-6203.2017.6(1).30-40. (In Russian).

20. Dunas D.V. *Razvitie i sovremennoe sostoyanie teoreticheskikh issledovaniy zhurnalistiki i SMI v Rossii. Kand. Diss.* [Development and current state of theoretical research into journalism and mass media in Russia. Cand. Diss.]. Moscow, 2016. 216 p.

21. Khalizev V.E. *Teoriya literatury* [Theory of literature]. 4th ed. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2004. 405 p.

22. Kuznetsova E.I., Dorozhkin A.M. The media and medial: social-philosophical analysis. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Series: Social sciences*, 2008, no. 3 (11), pp. 171–186. (In Russian).

23. Wulf C. *Anthropologie. Philosophie, Geschichte, Kultur*. Reinbek, Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2004. 335 S. (Russ. ed.: Wulf C. *Antropologiya: istoriya, kul'tura, filosofiya*. Saint Petersburg State University Publ., 2008. 280 S.).

24. Lagaay A., Lauer D. *Medientheorien. Eine philosophische Einführung*. Frankfurt am Main; New York, Campus Verlag, 2004. 259 S.

25. Muminov F. *Metod zhurnalistiki i metody deyatel'nosti zhurnalistov* [Journalism method and journalists' methods]. Tashkent, Universitet Publ., 1998. 57 p.

26. Luhmann. N. *Die Realitat der Massenmedien*. Wiesbaden, GWV Fachverlage GmbH, 1996. 226 S. (Russ. ed.: Luhmann. N. *Real'nost' massmedia*. Moscow, Praxis Publ., 2005. 256 s.).

27. Dmitrovsky A.L. Journalism as a social institute from the viewpoint of existential theory of journalism. In Tulupov V.V. (ed.). *Kommunikatsiya v sovremennom mire. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Voronezh, 13–14 maya 2016 g.* [Communication in the modern world. Materials of All-Russian Research Conference, Voronezh, May, 13–14, 2016]. Voronezh, 2016, pr. 1, pp. 16–17. (In Russian).

28. Savchuk V.V. *Mediafilosofiya. Pristup realnosti* [Media Philosophy. Reality Attack]. 2nd ed. Saint Petersburg, RKhGA Publ., 2013. 338 p.

29. Fischer-Lichte E., Wulf Ch. (eds). *Theorien des Performativen. Paragrana*, 2001, Bd. 10, H. 1, S. 271–283.

30. Fischer-Lichte E., Wulf Ch. (eds). *Praktiken des Performativen. Paragrana*, 2004, Bd. 13, H. 1, S. 35–64.

31. Dmitrovsky A.L. Existential Journalism Theory: Towards a Metatheory. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2015, no. 5 (360), pp. 15–20. (In Russian).

32. Dmitrovsky A.L. Object and Subject of the General Theory of Journalism. *Sovremenyi diskurs-analiz = Modern discourse analysis*, 2018, vol. 1, no. 3 (20), pp. 16–22. (In Russian).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Дмитровский А.Л. Теории журналистики: почему они «не работают»? (Проблема синергетического подхода к журналистским явлениям) / А.Л. Дмитриевский // Вопросы теории и практики журналистики. — 2019. — Т. 8, № 1. — С. 36–56. — DOI: 10.17150/2308-6203.2019.8(1).36-56.

FOR CITATION

Dmitrovsky A.L. Journalism Theories: Why They Do Not Work? (The problem of a Synergetic Approach to Journalistic Phenomena). *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2019, vol. 8, no. 1, pp. 36–56. DOI: 10.17150/2308-6203.2019.8(1).36-56. (In Russian).